ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

(Германия 1914—1918 гг.) [1]

Вопрос об экономической природе той системы хозяйства, которая сложилась в крупнейших капиталистических странах в эпоху империалистической войны, представляет для нас интерес с нескольких различных точек зрения.

1. В современной обстановке проблемы подготовки и приспособления хозяйства к условиям войны становится весьма актуальными.

2. Военная система хозяйства (в особенности, в Германии) дает известный материал для сопоставления с опытом нашего хозяйственного строительства, поскольку воюющие государства вынуждены были итти на весьма широкое внедрение плановых начал регулирования в стихийный ход развития капиталистической экономики.

3. Теория постепенного «улучшения» капитализма, преодоления анархии производства путем плановой организации в рамках товарно-капиталистической системы превратилась сейчас в положительную программу социалдемократии.

4. Наконец, анализ этого своеобразного этапа капиталистического хозяйства имеет существенное значение для уяснения природы монополистического капитализма.

В литературе, посвященной экономике мировой войны, мы находим весьма разнородные оценки сущности военной системы хозяйства. Если обсуждение первых мероприятий государственной власти не выходит еще в большинстве случаев за рамки отдельных конкретных предложений, то уже к концу первого года войны, по мере того, как эти разрозненные мероприятия начинают приобретать характер принципиальных изменений в структуре капиталистического хозяйства, разворачивается широкая дискуссия о характере и природе изменений, внесенных войной в экономику капиталистических стран. Решительное вмешательство государственно-административного аппарата в сферу обращения и производства, попытки подчинить интересы конкурирующих предпринимателей централизованному плановому регулированию, значительная урезка «свободы действий» торгового и промышленного капитала вызывает, с одной стороны, восторженные

---

[1] См. «Вестник Комм. Академии», кн. 19.

похвалы потерянной системе «свободной инициативы и рыночной игры сил» и ожесточенные нападки на ужасы государственного социализма. С противоположной стороны, военная система хозяйства оценивается как прообраз и начало будущего хозяйственного строя.

«Прошлое исчезло безвозвратно; если оно было раем, то этот рай уже потерян...»[1].

«Война окончательно уничтожает свободу (Ungebundenheit) частного хозяйства и подготовляет грядущие формы общественного хозяйства (Gemeinwirtschaft), показав нам, что экономические вопросы цивилизованного государства являются делом общества, а не отдельных лиц»[2]. Так оценивает миссию войны один из вдохновителей и наиболее последовательных теоретиков военной системы хозяйства, Вальтер Ратенау. В своих многочисленных произведениях он находит достаточно ярких и образных выражений для критики той огромной непроизводительной затраты общественного труда и ценностей, которая вызывается неорганизованностью, анархичностью капиталистического хозяйственного строя[3]. Вооруженный современными техническими познаниями, крупный практик-организатор хозяйства, он прекрасно видел противоречия между достигнутым уровнем производительных сил и анархической, раздираемой конкурентной борьбой хозяйственной системой. «Мы смеемся над анекдотом о человеке, который хотел приобрести пушку для того, чтобы стать самостоятельным и независимым от военной организации[4] -говорит он; никому не придет в голову требовать для своих личных нужд железнодорожную магистраль или телефонную сеть или же учредить собственную систему суда. Но почему то считается бесспорным и очевидным, что хозяйство, от которого зависит все наше благополучие, наша цивилизация и мощь, может существовать лишь на основе свободной конкуренции и неограниченной борьбы каждого против всех».

Однако если в критике противоречий и расточительности капиталистического хозяйства Ратенау порой возвышается до подлинного пафоса, напоминающего социалистов-утопистов, то его положительная программа отнюдь не блещет ясностью и определенностью. Он ограничивается большей частью общими сентиментальными декларациями, вроде того, что «грядущий хозяйственный строй будет, подобно существующему, основан на частном хозяйстве, урегулированном и ограниченном в своей свободе. Он будет также проникнут общественной волей, как проникнуто ею в настоящее время всякое коллективное творчество, за исключением области хозяйства. Он будет построен на морали и ответственности, облагораживающей всякое служение обществу и т. д.». За причудливым отсутствием системы, приступами довольно дешевого романтизма и сентиментальными рассуждениями

---

[1] Rathenau, Walter, «Neue Wirtschaft», стр. 24.
[2] Rathenau, W. «Von kommenden Dingen», Berlin, 1917, стр. 277.
[3] Rathenau, W. «Probleme der Friedenswirtschaft», 1917, стр. 37—38;— «Von kommenden Dingen», стр. 137; «Neue Wirtschaft», стр. 47, 74 и т. д.
[4] Rathenau, W. Neue Wirtschaft, стр. 27.

об этике, немецком народе и т. д. кроется в основном теория «организованного» планового капиталистического хозяйства. Ратенау неоднократно подчеркивает, что проектируемый им хозяйственный строй, основы которого заложены в военной системе, отнюдь не предполагает устранение частной собственности на орудия производства [1]. В сущности вся новизна проектируемой Ратенау хозяйственной системы сводится у него, главным образом, к превращению государства в орган наблюдения и регулирования частно-капиталистического хозяйства.

«Для государства важно постоянно наблюдать и следить за тем, как и что производится в его областях, какими благами оно располагает, что потребляется и воссоздается... Государству небезразлично. затрачиваются ли бесполезно помещения, рабочая сила и орудия, оно заботится о том, чтобы возможно более экономно расходовать и пополнять запасы привозного сырья и вспомогательных материалов, планомерно заготовлять и распределять их. Капитал, рабочая сила и материалы не становятся, правда, *собственностью* общества, согласно социалистическому рецепту; однако, они *доверяются общественному наблюдению*» [2]. «Государство становится движущим центром всей хозяйственной жизни; вся общественная деятельность протекает при его участии и по его воле; оно располагает силами и средствами своих членов и большей свободой, нежели старые поместные власти; к нем притекает большая часть хозяйственных излишков; в нем олицетворяется благосостояние страны» [3].

Тщетно мы стали бы искать у Ратенау дальнейших, более точных указаний о принципах построения новой хозяйственной системы. Зато он со всей тщательностью отгораживает свою систему от «ужасов коммунистической казармы» и находит рецепт смягчения классовых противоречий в ... прекращении производства и ввоза предметов роскоши, ограничении права наследования и улучшении системы народного образования [4]. Отмежевываясь от социалистической доктрины. автор предпочитает общее и расплывчатое определение системы хозяйства, возникшей в мировой войне: он называет ее «общественным хозяйством». Нетрудно, однако, заметить классовое содержание, как его оценки военного хозяйства, так и развиваемого им на основе военного опыта идеала будущего строя. Мировая война колоссально ускорила свойственную капитализму империалистической эпохи тенденцию к срастанию монополистического хозяйства с государством. Задачи

---

[1] «Новое хозяйство не будет. как мы видели, государственным хозяйством; это будет частное хозяйство, предоставленное гражданской решимости его членов, хозяйство, которое, однако, будет нуждаться в соучастии государства для преодоления внутренних трений и усиления своей мощи и производительности. Но это соучастие государства не будет импровизированным (на подобие военного хозяйства); оно также не будет довольствоваться любыми случайными мерами, тем более такими, которые еще не приобрели, либо уже утратили свое естественное действие», «Neue Wirtschaft», стр. 75.

[2] «Von kommenden Dingen», стр. 280.

[3] Ibidem, стр. 242.

[4] Ibidem, стр. 131.

удовлетворения военных потребностей вступили в известный конфликт с противоречивыми интересами отдельных групп капиталистов. Государство, как высший орган буржуазного общества, вынуждено было выступить на защиту общих интересов господствующего класса в целом, вопреки и наперекор устремлениям отдельных его прослоек. Колоссальное усиление внутренних противоречий капиталистического хозяйства обнажило инстинкт самосохранения, охраны существующего уклада. Вальтер Ратенау в своей теории военного хозяйства, как прообраза «организованного капитализма» дал лишь обобщенное выражение этому стихийному акту самозащиты—сращиванию капиталистического хозяйственного аппарата с государством.

Таким образом, в концепции Ратенау мы имеем, несмотря на отсутствие соответствующих дефиниций, наиболее последовательную оценку военной системы хозяйства, как формы *государственного капитализма*.

Мы остановились на теории военного хозяйства Вальтера Ратенау, как на наиболее ярком образчике идеи организационного улучшения капитализма, довольно широко распространенной среди экономистов и практических деятелей-хозяйственников. Исходившие из этих кругов неумеренные восхваления исторической миссии войны, открывшей новый период излечения всех зол капитализма и разрешения классовых противоречий, в то же время довольно ловко использовывались для целей милитаристической пропаганды и оправдания войны в глазах широких масс. В отличие от огромного большинства подобных произведений [1], ограничивающихся самой общей и туманной патриотической болтовней, Ратенау в своих статьях и брошюрах указывает не только содержание хозяйственных преобразований, заложенных в военных условиях, но и предполагаемые формы их распространения и превращения в новый хозяйственный строй. Сращивание государства с капиталистическими предприятиями в военном хозяйстве происходило путем организации смешанных государственно-капиталистических об'единений, в которых официальным представителям власти были обеспечены административно-регулирующие права. Правда, в условиях военной нужды, недостатка важнейших видов сырья, рабочей силы, полной централизация сбыта, эти смешанно-капиталистические об'единения постепенно теряли свой характер добровольных организаций предпринимателей. Однако, именно эта форма сращивания государства с капиталистическим хозяйством—через организацию смешанных об'единений предпринимателей, сохраняющих частное владение средствами производства при государственном регулировании процессов производства и распределения, и является, по его мнению, основным путем преобразования капитализма. Ратенау рассматривает также вопрос о законности такого расширительного толкования военных форм организации хозяйства. Он говорит:

[1] Ратенау отнюдь не может быть причислен к числу пацифистов. Однако его империализм классово осознан и аргументирован с заслуживающей похвалы откровенностью, что выгодно отличает его от многих и многих собратьев по оружию.

«Теперь, подходя критически к вопросу, могут нас спросить, не делаем ли мы в данном случае из нужды добродетель, не считаем ли мы органическими ценностями те новые формы жизни, к которым приходится прибегать лишь в виду необычайных затруднений, но которые, пожалуй, могут быть заменены более легкими средствами.

История не пользуется сослагательным наклонением, она говорит о том, что есть и что было, а не о том, что могло бы быть. Мы знаем, что эти новые формы создались и что, следовательно, они имеют смысл; там же, где смысла еще нет, мы должны его найти. Смысл же заключается в том, что, благодаря войне, созрело то, что иначе должно было созревать в течение десятилетий и столетий» [1].

Таким образом, Ратенау правильно уловил смысл военных преобразований, как естественного продолжения исторически заложенных в развитии монополистического капитализма тенденций, которые война лишь колоссально ускорила и довела до некоторого логического завершения [2]. В этом смысле рассмотренная оценка военной системы хозяйства представляется одной из наиболее трезвых и обоснованных. Несмотря на свою ясную классовую установку, или, быть может, именно благодаря ей, Ратенау правильно оценил военные опыты, как новую форму монополистического капитализма, естественно вытекающую из исторического хода его развития. Концепция Ратенау любопытна, именно, как продукт борьбы двух противоположных устремлений. Его, как мы видели, отнюдь нельзя заподозрить в симпатиях к идеалу социалистического переустройства общества. Как крупный техник и организатор хозяйства, он лишь обобщает стремление к устранению неорганизованности и хаотичности капитализма, противоречащих развитию производительных сил, вступающих в конфликт с задачами дальнейшего целесообразного развития общественной техники. Но эти широкие реформаторские устремления вступают в противоречие с его классовой природой. Как типичный, хотя и весьма прогрессивный и сознательный представитель своего класса, он не может отказаться от частного присвоения, частно-собственнической основы капиталистического хозяйства—этого решающего препятствия на пути сознательного, планово-организованного развития производительных сил. Он пытается примирить непримиримое, добиться плановой рациональной организации хозяйства в рамках и на основе капиталистических форм распределения средств производства и дохода. Отсюда утопический характер его положительной программы, отсюда же и личные неудачи его практических попыток осуществления плановой реформы в военном хозяйстве. Его физическая смерть от руки

---

[1] «Neue Wirtschaft», стр. 85.

[2] Ясное понимание исторически-необходимого характера военных форм видно также из следующего замечания Ратенау: «Самое же поразительное, однако, на что мы должны указать, заключается в том, что это общее расширение ответственности и вмешательства государства *произошло само собой* (курсив наш. *Б. Х.*) что оно не вытекало из единого общего плана, но возникало в областях, где оно было наиболее необходимо, опиралось в своей работе на недостаточный и неподходящий человеческий материал, и все же имело успех». Ibidem, стр. 76.

приверженцев его же класса характерна для судьбы целого течения, преимущественно в рядах крупной технической интеллигенции, апеллирующей к разуму анархического, иррационального хозяйственного строя во имя освобождения производительных сил.

Во всяком случае, как теоретик государственного капитализма Ратенау стоит много выше тех многочисленных представителей катедер-социализма и официальной социалдемократии, которые широко использовали опыт военного социализма для болтовни о наступлении «новой эры социального мира» и откровенной социал-патриотической апологетики империалистической войны.

Если уже в прежние времена каждая частичная уступка рабочему классу, каждое скромное нововведение в области коммунального и государственного хозяйства изображались катедер-социалистами как шаг к осуществлению «справедливого строя общности интересов», то достаточно было первых шагов германского правительства в области милитаризации хозяйства для провозглашения новой эпохи «государственного социализма». «Благодаря войне мы стали в большей степени, чем прежде (!), социалистическим обществом»—заявляет Пленге [1]. Уставы возникших в военной Германии акционерных обществ для распределения сырья и заказов, как известно, декларировали отказ от целей извлечения прибыли и ограничивали дивиденды акционеров скромными пятью процентами. Это нововведение, смысл и происхождение которого рассматривалось нами в предыдущей статье, и служит основным аргументом катедер-социалистов в пользу государственно-социалистического характера военного хозяйства. Оно рассматривается как «преодоление духа наживы» [2]. «Новая, возникшая в военных условиях система организация хозяйства, оказывается, построена не на извлечении прибыли, а на «принципе вознаграждения по заслугам» (Leistungsprinzip). Это означает конец капитализма, возвращение к царству «старого германского духа». Апелляции к «социальному духу» германского народа, которому в отличие от греховной Англии, якобы искони присуще стремление к социализму и служению *для блага всех*, скрывают в большинстве подобного рода произведений недостаток экономического анализа сущности государственно-капиталистической системы. «Проблематичность государственного социализма сейчас исчезла. Вопрос заключается не в признании его, а в способах его осуществления» заявляет Георг Майер [3].

---

[1] Plenge Johann, «Der Krieg und die Volkswirtschaft», стр. 171.

[2] Jaffe Edgar «Die Militarisierung unseres Wirtschaftslebens». «Archiv für Sozialwissenschaft» Bd 40, 1915. Характерна также статья Spann'a «Ein Beitrag zur volkswirtschaftlichen Lehren des Krieges und der Kriegskosten», Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», III F., 50 Bd., 1915 II.

Наиболее систематически эта теория изложена в книге Goldscheida «Staatssozialismus oder Staatskapitalismus». См. также—Oppenheimer, Franz «Weltwirtschaft und Nationalwirtschaft», Berlin, 1915.

Автор известной утопии «Государство будущего» Баллод (Атлантикус) счел даже военные условия наиболее подходящими для осуществления его утопии. См. Ballod, «Einiges aus der Utopienliteratur», Grünbergs Archiv, VI Jahrg. H. 1.

[3] Georg v. Mayer. «Staatssozialismus im Kriege und in Frieden». «Recht und Wirtschaft», октябрь 1915 г.

Естественно, что катедер-социалисты выступали защитниками наиболее радикальных мер на пути огосударствления хозяйства [1]. Естественно также, что даже такие мероприятия, как огосударствление, милитаризация рабочей силы, лишение рабочего класса права стачек, борьбы за свое экономическое положение, создавшее форменную военную каторгу для массы трудящихся, изображается катедер-социалистами как один из устоев государственного социализма. Оценка военного опыта организации хозяйства прибавляет мало нового к марксистской характеристике этого реакционного течения.

Тем любопытнее, однако, трогательное единодушие правой социалдемократии с этими реакционными «христианскими социалистами» в оценке государственно-монополистического капитализма.

«4 августа 1914 года социализм вступил в эпоху практического осуществления» [2]—этот лозунг проходит красной нитью через множество статей в журнальной и повседневной прессе социалдемократии. Приведем несколько типичных выдержек. Монополия хлебной торговли—первое мероприятие социалистического характера в военной Германии,—пишет Эдмунд Фишер в органе крайних правых с.-д. «Sozialistische Monatshefte» [3]. «Германия представляет сейчас величайший хлебный кооператив (Eine Brotgenossenschaft grössten Stils). От ребенка до старца, от пролетария до миллионера (!), каждый член общества получает определенный хлебный паек. То обстоятельство, что хлеб покупается и продается, не уничтожает социалистического характера этого мероприятия». На фоне безудержного расцвета спекуляции продовольственными продуктами и медленного «организованного» голодного вымирания масс трудящихся это заявление звучит как прямое издевательство.

Для большей убедительности правые социалдемократические журналы «Die Glocke» и «Sozialistische Monatshefte» завели особую хронику хозяйственных событий под многообещающим заглавием «государственный социализм», где все мероприятия государственной власти тщательно регистрировались и учитывались в качестве «шагов к социализму». Естественно, что таких «шагов» набралось изрядное количество. Это не помешало с.-д. Августу Мюллеру и Юлиусу Калисскому выступить на защиту аграриев и «патриотических немецких крестьян» [4], когда государство, подстегиваемое страхом голодных рабочих волнений, вынуждено было перейти к принудительному из'ятию продовольственных излишков в деревне.

---

[1] Мы уже указывали в предыдущей статье на проект государственного регулирования каждого крестьянского хозяйства, предложенный Брентано. Этот маститый теоретик государственного социализма выступил в защиту своих предложений в любопытной брошюре: «Ist das System Brentano zusammengebrochen»? (Berlin, 1918).

[2] См. журн. «Die Glocke», 1917 г. стр. 53.

[3] Edmund Fischer. «Die Sozialisierung des Brotes»! «Sozialistische Monatshefte», 1915, B II, стр. 575.

[4] См. «Sozialistische Monatshefte», 1916, II, стр. 734, 1916, III, стр. 1152, и ряд др. статей Калисского и Шульца. («Produktionszwang oder Produktionsförderung?»).

Для оценки позиции правой с.-д. по отношению к государственно-монополистическим об'единениям капиталистов характерны три статьи (Генриха Кунова, вождя профсоюза горнорабочих, Отто Гуэ, и Макса Шиппеля), изданные в сборнике «Monopolfrage und Arbeiterklasse»[1]. Исторический путь развития взглядов социал-демократии на значение и роль капиталистических монополий авторы описывают в духе нескрываемой насмешки над революционными надеждами и традициями. Довоенная социал-демократия занимала позицию отрицания благотворной роли монополистического перерождения капитализма. В этом отрицании исторически неизбежного этапа в развитии капитализма несомненно проявлялось непонимание новой фазы—империализма и финансового капитала. Однако отказ от активной поддержки буржуазного государства, резкая критика реакционных утопий «государственного социализма» соответствовала революционным традициям социал-демократии лучших времен. Авторы указанного сборника, конечно, целиком «преодолели» эти революционные традиции. Монополистическое перерождение промышленности, срастание капитализма с буржуазным государством превращается для них в средство мирного, органического врастания в социализм[2]. Так как монополии по их мнению постепенно уничтожают анархию и распыленность капитализма, а государство, в свою очередь, эволюционирует в благоприятном для рабочего класса направлении, то «государственный социализм», государственная организация хозяйства становится важнейшим путем достижения социализма».

«Если на определенной ступени развития за государством отрицалось право вмешательства в хозяйственную жизнь, то на более высокой ступени развития и при наличии определенных предпосылок можно это право государству предоставить»[3].

Монополистические об'единения вносят порядок в капиталистическую анархию производства. Подчинение их государству обеспечивает направление производственной деятельности на «общеполезные нужды» (Gemeinnützen). Остается лишь добиваться «демократизации» хозяйства, контроля со стороны рабочих организаций[4] и путь к социалистическому преобразованию общества мирным способом обеспечен. Из такой концепции естественно вытекает и активное содействие буржуазному государству, вместо революционной борьбы и разрушения его, и неумеренные восторги по поводу всех «социалистических» мероприятий юнкерско-монархического правительства. Когда же,

---

[1] «Monopolfrage und Arbeiterklasse». Herausgegeben von W. Jansson, Berlin. 1917.

[2] «Рассмотренное выше решительное отрицание (монополий) со стороны прежней партийной догмы практически было совершенно неосуществимо, ибо оно наталкивалось: во-первых, на все более ясное признание того факта, что высшая хозяйственная форма может быть создана не путем внезапного скачка, а лишь путем *постепенного процесса преобразования*; во-вторых, на опыт, показавший, что *государство само* непрерывно подвержено изменениям в пользу большего участия и влияния организаций рабочего класса». Ibid., стр. 215.

[3] Ibidem, стр 216.

[4] Ibidem, стр. 227.

защищая революционную фразу, Карл Каутский позволил себе непочтительное выражение по адресу «государственных социалистов», Пауль Умбрейт на страницах журнала «Die Glocke» парировал эту критику указанием на Лейпцигский официальный орган с.-д., открывший в продовольственных мероприятиях государства «великую социалистическую идею единой урегулированной организации народного хозяйства...» [1].

Понятно, что государство, которому приписывается такая великая миссия социалистической реорганизации общества, заслуживает и соответствующего обхождения со стороны рабочего класса. «После 4 августа 1914 года не может быть больше и речи об отрицании государства в духе Либкнехта и Гэда. Эта позиция была уже и прежде частично сдана Бебелем; сейчас она меньше, чем когда либо, может служить основой для практической политики рабочего класса. Государство, признание которого было засвидетельствовано такой высокой ценой, как жизнь многих и многих тысяч наших лучших кадров, не может быть больше игнорируемо в нашей практической политике» [2].

Откровенно-апологетическая позиция правой социал-демократии оценке государственно-монополистической системы хозяйства вряд ли нуждается в дальнейших пояснениях.

Нам остается лишь остановиться на наиболее обобщенном и систематизированном варианте этой концепции. Задача подведения теоретического «марксистообразного» фундамента под оппортунистическую политику с.-д. выполнена в известном произведении австрийского вождя Карла Реннера «Марксизм, Война и Интернационал» [3]. Констатируя факт усиления роли государства в капиталистическом хозяйстве, Реннер дает следующее определение характерных особенностей этой новой фазы капитализма.

Сфера хозяйственного влияния государства значительно расширяется и выделяется среди всех остальных хозяйственных сфер и образует с внутренней стороны специфическое органическое единство» [4]...

«Частное хозяйство стало в известном смысле национальным хозяйством... Но на этой ступени взаимоотношения между государством и капиталом терпят решительные изменения... С этого момента организованный национальный капитал использует государственную власть как положительный экономический фактор... Империалистическая буржуазия сливается (verschmelzt sich) с государством. Таким образом,

---

[1] «Die Glocke», 1916, стр. 265:

«В пайковой системе, как и во многих других, хотя и далеко не достаточных мероприятиях, несомненно воплощается *кусок коммунизма* (steckt unzweifelhaft ein Stück Kommunismus)». M e r f e l d. «Zum Sozialismus hin!». «Glocke», 1915, S. 399.

[2] «Monopolfrage und Arbeiterklass», стр. 237.

[3] K. R e n n e r. «Marxismus, Krieg und Internationale. Kritische Studien über offene Probleme, des wissenschaftlichen und praktischen Sozialismus». Dietz, 1917.

[4] R e n n e r. «Marxismus Krieg u. International», стр. 17, 19.

частный капитализм превратился в государственный капитализм или находится на пути к этому превращению»[1].

«Это огосударствление хозяйства (Durchstaatlichung der Wirtschaft) представляет специфическое отличие новейшего развития. В этом заключается радикальная новизна новой ступени развития, которую Маркс не переживал и не мог описать»[2]. С другой стороны, происходит процесс «хозяйственного перерождения государственной власти» (Verwirtschaftlichung der Staatsgewalt). Диалектика развития сказывается здесь в переходе от частного труда и частной собственности к общественной. Таким образом, происходит постепенное структурное изменение капитализма, внутреннее перерождение его, которое должно привести развитие хозяйства к «новой высшей форме».

Не трудно понять, что, ловко жонглируя марксистской терминологией, создавая видимость теоретического анализа, Реннер обходит центральную проблему внутренних структурных противоречий ее. Подчеркивая и выдвигая на передний план «органическое единство» капиталистического хозяйства в новой военной фазе, называя ее «концом эпохи индивидуализма», Реннер очищает путь для прямого логического вывода о возможности преодоления недостатков капиталистического строя по мере подчинения его организующей воле государства. Остается лишь, подобно авторам названного выше сборника, принять активное участие в этой положительной работе мирного преобразования капитализма и бороться за «хозяйственную демократию» и «общественный контроль» над монополистическими, огосударствленными капиталистами. «Революционная» практика австрийской социал-демократии в послевоенные годы достаточно последовательно увязана, как известно, с этой оппортунистической теорией новейшей фазы капитализма.

Следует отметить, что эта теория мирного врастания в социализм через государственную организацию капиталистического хозяйства встречает возражения и в рядах социал-демократии, преимущественно ее левого крыла, озабоченного прикрытием оппортунистической наготы своих соратников.

«Сейчас широко распространено мнение,—говорит Каутский,— что капитализм, создавая банки и картели, сам организует социализм. Что пролетариат, к моменту достаточного развития этих организаций, сможет спокойно почить на ложе, приготовленном для него самими капиталистами, и что поэтому ему нечего делать попытки устроить себе свое ложе до того, как с этой задачей справятся капиталисты.

[1] Исследование перераспределения национального дохода между различными социальными группировками германского хозяйства в условиях войны вызывает у Эмилия Ледерера следующее возражение Реннеру: «Следовало бы говорить не об огосударствлении капитализма, но о возникновении новой экономической формации; в связи с концентрацией капитала и усилением отдельных групп предпринимателей происходит скорее *капитализация* государства» (Nicht Durchstaatlichung der Wirtschaft, sondern Durchkapitalisierung des Staates). «Die ökonomische Umschichtung im Kriege», журнал «Archiv für Sozialwissenschaft», 1918. № 45.

[2] Ibidem.

Это уютное представление о незаметном врастании в государство будущего, которое является результатом деятельности капиталистов и над созданием которого они ревностно трудятся, ведет к тому, что в качестве важнейшей задачи пролетариата выставляют поддержку класса капиталистов, как средство освобождения рабочего класса.

Это новейшее издание теории гармонии между трудом и капиталом дополняется еще тем, что одновременно считают, что государственная власть по мере роста ее хозяйственных функций все более проникается социальным духом, так что она лишает капитализм всех неприятных для пролетариата сторон, и он (капитализм) безо всякой пролетарской борьбы, путем саморазвития, переходит в чистый социализм. Пролетариату нечего более делать, как оказывать поддержку как капитализму, так и государству, и надеяться и ждать» [1].

В другой брошюре, посвященной критике военного издания «марксизма», новейшей теории врастания в социализм через военную организацию капитализма [2], Каутский без особого труда разоблачает оппортунистический характер этого *открытия социалистической миссии прусской юнкерской монархии.* Решительная критика правых реформистов, однако, прекрасно уживается в сказанных брошюрах с весьма неопределенной и путаной платформой центризма.

Густав Экштейн в ряде статей на тему о военном хозяйстве [3] не менее решительно выступает против теорий о социалистическом характере военной системы регулирования. Он с удовлетворением констатирует, что «Schlagwort», боевое словечко—«военный социализм», которое одно время сильно волновало марксистов, уже совсем вышло из моды. И в этом нет ничего удивительного,—говорит он. Ведь применяемые в настоящее время методы продовольственного снабжения населения (а к ним-то, как это ни странно, главным образом и относилось это выражение) пользуются столь малой популярностью, что способны только компрометировать идею социализма, если их выдавать за «социалистические» [4].

Он возражает против важнейшего аргумента правых реформистов в пользу социалистического характера военных преобразований; одно лишь усиление организованности в хозяйстве не может служить, по его мнению, доказательством «приближения социализма». Для ответа на этот вопрос необходимо установить: 1) «приближается ли хозяйство военного времени к типу натурального хозяйства, т.-е. к *общественно-организованному хозяйству для удовлетворения потребностей* (Bedarfsdeckungswirtschaft); и 2) будет ли движение в этом направлении продолжаться и после заключения мира?» [5]. Перечисляя важнейшие регулирующие мероприятия в области производства и обмена, Экштейн заявляет: «Мы являемся свидетелями великого пере-

---

[1] K. Kautsky, «Sozialdemokratische Bemerkungen für Uebergangswirtschaft». Leipzig, 1918, стр. 160.

[2] K. Kautsky, «Kriegsmarxismus. Eine theoretische Grundlegung der Politik des 4 August», Wien, 1918.

[3] Gustaw Ekstein, «Krieg und Sozialismus», «Neue Zeit», 1916, Bd. 2.

[4] Цит. по русскому переводу: «Война и будущее народного хозяйства», изд. «Дело», 1917 г., 2-е издание, стр. 1.

[5] Там же, стр. 7.

ворота во всей нашей хозяйственной жизни». Важнейшим фактом здесь является колоссальное значение государства в качестве основного заказчика индустрии и значительной части сельского хозяйства. Поскольку столь могущественный заказчик, как государство, располагает возможностью воздействовать на процесс производства и установление цен, хозяйство начинает приближаться к такому типу общественно-организованного хозяйства, целью которого является удовлетворение потребностей. Однако назвать это своеобразное удовлетворение «общественных» (следовало бы сказать, военных) потребностей социалистическим наш автор не решается. Для этого нужно было бы закрыть глаза на колоссальные прибыли промышленного капитала, на чрезвычайное усиление эксплоатации рабочего класса в условиях военной каторги. ***Автор останавливается на половинчатом ответе*** на поставленные им вопросы о сущности военной системы регулирования и о тенденциях ее развития после окончания войны. Ответ сводится к следующему:

«*Во время* войны государство вмешивается в производство не для того, чтобы увеличить свои доходы или прибыль капиталистов, а для того, чтобы получить определенные предметы потребления. Этим оно приближает систему хозяйства к ***типу хозяйства для удовлетворения потребностей*** (курсив наш. *Е. Х.*). *После* войны оно отчасти сократит приобретенные за время войны организационные формы экономической жизни и совместно с банками будет развивать их дальше, но уже не в целях удовлетворения потребностей, а в целях увеличения податей, предпринимательских барышей, земельной ренты и т. д.» [1].

Придя к этому мало утешительному в смысле ясности и определенности выводу о природе и тенденциях в развитии государственного регулирования, Экштейн пытается анализировать классовые отношения, интересы и позиции важнейших классовых группировок в этом

[1] Там же, стр. 41. Поучительно сопоставить это «приближение хозяйства к типу хозяйств для удовлетворения потребностей» с ленинской оценкой капиталистического потребления:

«Хлебная карточка, этот главный образец регулирования потребления в современных капиталистических государствах, ставит своей задачей и осуществляет (в лучшем случае осуществляет) одно: распределить наличное количество хлеба, чтобы всем хватило. Вводится максимум потребления далеко не всех, а только главных «народных» продуктов. И это все. О большем не заботятся. Бюрократически подсчитывают наличные запасы хлеба, делят их по душам, устанавливают норму, вводят ее и ограничиваются этим. Предметов роскоши не трогают, ибо они «все равно» так дороги, что «народу» не доступны. Поэтому во *всех*, без всякого исключения, воюющих странах, *даже* в Германии, которую, кажется, не вызывая споров, можно счесть образцом самого аккуратного, самого педантичного, самого строгого регулирования потребления, *даже* в Германии мы видим постоянный обход богатыми каких бы то ни было «норм» потребления. Это тоже «все» знают, об этом тоже «все» говорят с усмешкой, и в германской социалистической—а иногда даже буржуазной—прессе, несмотря на свирепости казарменно-строгой немецкой цензуры, постоянно встречаются заметки и сообщения о «меню» богачей, о получении белого хлеба в любом количестве богатыми в таком-то курорте (под видом больных его посещают все... у кого много денег), о замене богачами простонародных продуктов изысканными и редкими предметами роскоши» (том XIV, ч. 2-я, стр. 197).

предстоящем процессе перерождения хозяйственной системы. Оказывается, наибольшее противодействие стремлению к огосударствлению экономики должно встретить со стороны мелких производителей—крестьянства—и отчасти тех капиталистов средней руки, представителем интересов которых является «Центральный союз германских промышленников» [1]. Но так как эти слои отнюдь не являются господствующими в современной экономике Германии, а интересы крупного капитала и помещичье-бюрократических слоев вполне совпадают с задачами огосударствления экономики, то осуществление этого пути представляется Экштейну вполне вероятным. Как же рисуется позиция рабочего класса этому типичному представителю центризма? Оказывается, если Маркс в чем-либо ошибался в своих прогнозах, то это относится лишь к «революционному значению и, особенно, к революционному поведению пролетариата». И Маркс, и Энгельс ожидали от пролетариата «в случае войны совершенно иного поведения, а, главным образом, совершенно иного образа мыслей, чем тот, который явила современная действительность».

«Разумеется,—скромно продолжает автор,—сознание значения классовых противоречий и ныне не угасло в рабочем классе, хотя часто оно заглушено другими чувствами. И, без сомнения, империалистические взгляды увлекли в свое русло только часть пролетариата. Но все же было бы опасным самообманом скрывать от себя, что в пролетариате, особенно в германском, обнаружился такой сильный милитаристический дух, какого в нем, вероятно, не предполагало большинство наблюдателей» [2].

Свалив вину в предательстве социал-демократии на «милитаристический дух рабочего класса», Экштейн отсюда же определяет отношение рабочего класса к государственно-монополистическому перерождению хозяйства в результате войны. Милитаристическое мышление и настроение может, по его мнению, значительно усилиться вследствие войны, особенно «если армия долгое время окажется на высоте своей задачи» (сиречь, при победах германского милитаризма), и попытки огосударствления народного хозяйства вряд ли встретят сопротивление со стороны пролетариата [3].

Как видим, несмотря на решительную критику реакционных теорий «государственного социализма», Экштейн оказался совершенно *бессильным перед задачей марксистского анализа* своеобразия внутренних противоречий новой формы монополистического капитализма, развившейся в условиях войны. Последняя ссылка на возможное усиление милитаристических настроений в рабочем классе лишний раз иллюстрирует беспомощность и бессилие половинчатого центристского марксизма перед важнейшими проблемами тенденций развития капиталистического хозяйства

Та же печать непонимания исторической роли и значения государственного капитализма, как высшей, наиболее законченной фазы

[1] Там же, стр. 26.
[2] Там же, стр. 42.
[3] Там же, стр. 42.

монополистического капитала, характерна для целого ряда брошюр и статей левой социал-демократии. Недостаток анализа сущности этой новейшей фазы капитализма, об'ективных тенденций ее развития, восполняется в них обилием радикальных фраз и поверхностной критикой недочетов практики военного регулирования хозяйства [1].

Нам остается еще остановиться на оценках, которые исходили из лагеря буржуазных теоретиков и практиков хозяйства, в огромном большинстве занимавших непримиримо-отрицательную позицию по отношению к военной системе регулирования. Как мы уже отмечали в предыдущей статье, оппозиция со стороны широких кругов буржуазии по отношению к военному «зажиму свободной инициативы производителей» росла по мере усиления планового вмешательства государства в процесс производства и распределения. Вытесняя вольный рынок, заменяя разветвленный аппарат торгового посредничества административным распределением, лишая заказов и сырья мелкие и средние предприятия, военная система регулирования естественно вызывала резкие протесты со стороны затронутых ею кругов буржуазии. Нашлось, конечно, немалое количество буржуазных экономистов, выступивших на защиту попранного принципа «частной инициативы и творческого духа предпринимателей». Назовем здесь лишь наиболее громкие имена: Диль, Бендиксен, Лифман, Мизес, Сарториус-фон-Вальтерсхаузен и т. д. [2]. В многочисленной критике военной системы варьируют в основном два метода. С одной стороны, важнейшие мероприятия государства по регулированию хозяйственной жизни— национализация некоторых предприятий, государственное регулирование распределения сырья, вмешательство в процесс производства, из'ятие массы недостаточных товаров из торгового оборота, огосударствление внешней торговли, карточная система продовольственного снабжения, регулирование цен рассматриваются лишь как временные меры, которые вызваны специфическими военными условиями и отомрут сразу же после перехода к мирным, обычным нормам жизни. Эти временные, вызванные острой нуждой законы и мероприятия (Nothmassnahmen) ничего общего с социализмом не имеют и являются лишь уродливым искажением, отклонением от нормальных хозяйственных отношений. Даже столь радикальная и важная реформа, как государственное регулирование цен, не является, по мнению Лифмана, ни новой, ни близкой к социализму. Поскольку частная

---

[1] Типична в этом отношении брошюра Макса Адлера «Zwei Jahre. Weltkriegsbetrachtungen eines Sozialisten», Nürnberg, 1916. См. также статью в «Neue Zeit», 34 Jahrg. II Bd., 1916, S. 715, Willhelm Düwell, «Kriegswirtschaft», и др.

[2] Bendixen, F., «Sozialismus und Volkswirtschaft in der Kriegsverfassung». Berlin, 1916.

Liefman, R., «Bringt uns der Krieg zum Sozialismus näher?». Stuttgart-Berlin, 1915.

Diel, Karl, «Deutschland, als geschlossener Handelsstaat», 1915.

Sartorius v. Waltershausen «Weltwirtschaft und Weltkrieg», Weltwirtschaftliches Archiv, 1915, I Bd, 5.

Mises, Ludwig, «Nation Staat und Wirtschaft».

собственность не уничтожается, государственное таксирование цен является лишь коррективом к рыночному механизму ценообразования. Точно так же государственная монополия продовольственного снабжения оставляет нетронутыми основы частно-капиталистического хозяйства и отнюдь не носит социалистического характера. Поскольку вся военная система регулирования хозяйства в целом представляет лишь «дитя нужды», большее или меньшее извращение нормального хозяйственного строя, устранение ее и возвращение к нормальным условиям свободной конкуренции является лишь вопросом срока. Что же касается до восхваления пресловутого принципа «свободной частной инициативы», то аргументация почтенных профессоров особой оригинальностью не блещет. Она сводится к истинам, имеющим уже столетнюю древность, доказывающим, что охота каждого капиталиста за прибылью как нельзя более соответствует интересам общего блага.

С другой стороны, каждый шаг по пути регулирования хозяйства немедленно об'является «социалистическим», ужасы наступающего социализма преувеличиваются в целях чисто агитационных. «Нынешнее государство сдобрено социализмом, и не какой-нибудь каплей, а полной горстью».

«В Германии все больше усиливается государственный социализм, мы не можем отрицать, что наши тревоги о судьбах частного предпринимателя все больше растут» [1]...—так буржуазная экономическая пресса утрирует «социалистические» начала, упражняется в смехотворных обвинениях германской монархии, якобы сознательно стремящейся насадить социализм. Не подлежит сомнению, что подобные карикатурные преувеличения «социалистической опасности» в значительной мере рассчитаны на то, чтобы надолго отбить у широких масс интерес к подлинно социалистическим стремлениям. Усердно изображаемая в качестве того самого социализма, который проповедует революционное движение, германская действительность и в самом деле могла быть использована для целей компрометации социалистического учения. Приведем любопытный факт, иллюстрирующий приемы борьбы буржуазных кругов против принудительного регулирования хозяйства и попыток его идейного оправдания.

Немецкий теолог, профессор Гарнак, выступил в одной из представительных организаций промышленной буржуазии (Deutscher Nationalausschuss) с упреками по поводу духа неограниченной наживы, царящего в предпринимательских кругах. Почтенный теолог упрекает систему хозяйства, «которая допускает во время войны полный торговый эгоизм и безудержную наживу». Чтобы предотвратить это печальное, противоречащее христианскому немецкому духу явление, профессор предлагает увеличить количество смешанных предприятий с участием государства и муниципалитетов. Профессор, конечно, не посягает на полное уничтожение «свежей предпринимательской

[1] См. «Der deutsche Oekonomist», 1916, стр. 242, 334 и сл.

инициативы и ответственности». Он требует лишь ограничения их «волей всего общества, государством».

В знак протеста против подобных посягательств «государственного социализма» пять выдающихся представителей тяжелой индустрии демонстративно вышли из состава указанной организации.

Сообщая об этом знаменательном факте, журнал немецкой торговой (и мелко-промышленной) буржуазии («Плутус») высказывает общие соображения по затронутому вопросу, столь типичные для буржуазной экономической мысли, что не лишне их воспроизвести в кратких чертах. Прежде всего редакция выражает упрек почтенному теологу, столь неудачно вмешавшемуся в чуждую ему область, в том, что он усумнился в этичности стремления к получению прибыли. Подобная критика хозяйственной системы ведь далеко не безопасна, несмотря на царящий в Германии «бургфриден». Кроме того, нужно, наконец, признать положительное значение погони за прибылью в военном хозяйстве. Именно стремление заработать и вызвало те чудеса приспособления в немецкой индустрии, которые столь восхищают всех. «Мы сомневаемся, чтобы кто-либо стал чистого идеализма ради производить гранаты, орудия, обмундирование и т. д.»—справедливо заявляет редакция. Но в таком случае не может быть и речи о замене этого чудесного фактора частной инициативы общественным регулированием. Наконец, нельзя отрицательно относиться ко всем, извлекающим барыши из военного хозяйства. Ибо без них кто же подписывался бы на военные займы? [1]

Приведенные аргументы столь типичны для подавляющего большинства буржуазных критиков, протестующих против военной системы государственного регулирования с точки зрения либеральной идеологии, что было бы излишним дальше останавливаться на этих, бесконечно повторяющих старые премудрости вульгарной экономии, аргументах.

То обстоятельство, что в числе наиболее решительных противников принципа государственного регулирования и апологетов свободной конкуренции мы встречаем столь известных и солидных буржуазных теоретиков монополистического капитализма, как Лифман, Беккерат, Чирский [2], лишь иллюстрирует внутреннюю противоречивость системы государственного капитализма. Ибо, толкуя о свободе хозяйственной жизни, эти экономисты эпохи монополистического перерождения и загнивания капитализма имеют в виду, конечно, не уничтоженную историческим ходом развития манчестерскую свободу конкуренции, а лишь свободу образования уничтожающих эту конкуренцию синдикатов и трестов.

---

[1] «Plutus», 1916, стр. 357. Редакционная статья проф. Бернгарда «Staatssozialismus».

[2] См. книгу Beckerath, «Kräfte, Ziele und Bestrebungen der deutschen Industrie», 1919. Tschiersky, «Zur Reform der Industrie-Kartellen», Berlin, 1921. Heuss, Theodor, «Kriegssozialismus», Stuttgart-Berlin, 1915. Foigt, Andreás, «Kriegssozialismus und Friedenssozialismus. Eine Beurteilung der gegenwärtigen Kriegswirtschaftspolitiks. Leipzig», 1916.

Таким образом, борьба и оппозиция широких кругов буржуазии против возникшей в мировой войне новой формы государственно-монополистического капитализма подводит нас вплотную к вопросу о внутренних противоречиях этой формы огосударствленного капитала.

* * *

Важнейшие фактические показатели и причины внутренних противоречий сложившейся в военной Германии системы хозяйства были уже нами приведены в предыдущей статье. Как мы видели, противоречия эти могут быть сгруппированы по следующим основным линиям:

1) Конкурентная борьба между различными группировками промышленной буржуазии, по линии обрабатывающей и добывающей промышленности, а также между отдельными монополистическими об'единениями и неорганизованными, «дикими» предпринимателями, не прекратилась в военном хозяйстве, а приняла лишь новые формы, соответствующие специфическим военным условиям снабжения сырьем, распределения заказов и т. д. Внутри централизованного аппарата государственного регулирования промышленности происходит непрерывная борьба между мелкими и средними предприятиями и крупными об'единениями, с самого начала захватившими влияние и фактическое господство в военно-государственном аппарате. Система централизованного регулирования сбыта и снабжения вступает в особенно острое противоречие с интересами тех групп капиталистов, которые сосредоточены во внутренней и внешней торговле.

2) Распад рыночных связей между промышленностью и сельским хозяйством, невозможность компенсировать извлекаемые в порядке принудительной разверстки продукты сельского хозяйства промышленными изделиями, которые беспрерывно и во все возрастающем количестве уничтожаются войной, углубляет и обостряет противоречия между монополизированной и огосударствленной промышленностью и раздробленным сельским хозяйством.

3) Военная система государственного регулирования хозяйства является в значительной мере продуктом распада мирохозяйственных связей, выключения Германии из сферы международных торговых связей. Это замыкание хозяйства Германии в национальные границы, придавшее ему черты хозяйства «осажденной крепости», является по существу продолжением тенденции к автаркии, созданию самодовлеющих хозяйственных организмов, наметившейся в эпоху империалистической «консолидации» буржуазных стран. Однако в довоенной обстановке эта тенденция перекрещивалась гораздо более могущественным процессом международного разделения труда, срастания «национальных хозяйств» в единую систему мирового хозяйства. Война превратила противоречивую тенденцию автаркии в экономический факт. Вместе с тем характернейшее противоречие капитализма последней стадии—противоречие между мировым характером производительных сил, мировым разделением труда и ограничениями национально-государственных рамок капиталистического хозяйства —

достигло особенной остроты. То обстоятельство, что сложившиеся отношения международного обмена оказались нарушенными, целые хозяйственные области выключенными целиком или почти целиком из единой системы мирового хозяйства, естественно, являлось важнейшим фактором постоянных нарушений равновесия внутри этих обособившихся в войне государственно-монополистических хозяйств. С особенной силой это должно было сказаться в Германии. Создавалась необходимость нарушать сложившиеся в процессе международного разделения труда соотношения между различными отраслями хозяйства, насаждать новые отрасли промышленности и сельского хозяйства, искать путей для замены недостающего сырья дорогими и нецелесообразными при наличии международных связей суррогатами и т. д. Особенно ярко это противоречивое положение замкнутого хозяйства отразилось на усиленных стремлениях к аграризации страны, на попытках вернуть сельское хозяйство, приспособившееся к специализации на немногих видах сырьевых и высоко-интенсивных культур, на много лет назад, к временам, когда Германия представляла преимущественно аграрную, самоснабжающуюся страну. Это систематическое нарушение сложившегося равновесия и пропорциональности в соотношении важнейших отраслей народного хозяйства, естественно, усугубляло, вернее, создавало об'ективную базу для отмеченных выше социальных противоречий в системе государственно-монополистического капитализма.

Не подлежит сомнению, что идея превращения замкнутого государственно-монополистического хозяйства в нормальный тип,—идея, довольно широко распространенная в части буржуазно-экономических кругов Германии во время войны [1],—представляет собою явную реакционную утопию. Однако нам в данном случае важно установить, что невозможность существования изолированного, автаркического государственно-монополистического хозяйства превращается в важнейший источник внутренней противоречивости и неустойчивости подобной системы. Современное монополистическое хозяйство, даже в его наиболее высокой форме, сросшееся с государством и до известной степени подчиненное плановому воздействию, неизбежно должно быть включено в систему целиком анархического мирового хозяйства. Уже отсюда вытекает противоречивость его положения. Но значит ли это, что противоречия внутри государственно-монополистической системы хозяйства исчезают и остаются лишь в сфере мирохозяйственных отношений? Такое представление связано с оценкой государственно-монополистического капитализма, как такой ступени развития, на которой в рамках национально - государственных образований процесс концентрации и планового об'единения народного

---

[1] «Деньги остаются в стране», «необходимо стремиться к созданию хозяйственной независимости Германии», с этими популярными лозунгами связаны также известные проекты создания «срединного государства Европы» путем слияния аграрной Австро-Венгрии с Германией. См. книгу Каутского «Об'единение средней Европы», перев., Книгоиздат. Писателей в Москве; а также Neumann «Mitteleurope».

хозяйства уже победил анархию товарного производства и приблизил хозяйство к типу единого государственно-капиталистического треста [1].

В пределах единого государственного треста формы хозяйственных связей, естественно, принципиально отличаются от формы связей раздробленных, самостоятельных товаропроизводителей. «Государственно-капиталистический трест есть в сущности огромное комбинированное предприятие», внутри которого *«меновая связь*, выражающая общественное разделение труда и разрыв общественно-производственной организации на самостоятельные капиталистические предприятия, *заменяется техническим разделением труда внутри организованного народного хозяйства»* [2].

Понятно, что там, где радикально меняется основной тип хозяйственных связей, где, вместо иррациональной бессуб'ектной регулирующей системы капитализма, возникают отношения, подобные техническим связям внутри отдельного предприятия, не может быть речи о противоречиях, вытекающих из анархической сущности менового хозяйства. *Остаются лишь противоречия в области распределения присвоения вновь* созданных ценностей, поскольку государственно-капиталистический трест не затрагивает классовой структуры общества, сохраняя частную собственность на средства производства [3].

---

[1] Наиболее четкую формулировку этой точки зрения давал в свое время т. Н. Осинский:

«Для *государственного капитализма* (появился с началом войны и достиг особенно высокого развития в Германии) характерны: 1) срастание государства и трестов, хозяйственной «командной власти» финансового капитала и политической власти государства; неиспользование государственной надстройки для укрепления хозяйственной мощи финансового капитала, а превращение ряда государственных органов в организующие и регулирующие хозяйство органы трестов; 2) появление *принудительных государственных* синдикатов и трестов и, след., завершение перехода собственности в классовую собственность капиталистов; 3) планомерное регулирование производства этими синдикатами и трестами; замена фактических рыночных монополий обязательными монополиями государства-треста; замена фактических монопольных цен обязательными твердыми ценами государства-треста; 4) организация и регулирование потребления путем карточной системы; 5) превращение рабочей силы в достояние государства банкиров и капиталистов путем трудовой повинности; итог: отмирание капитализма, как *товарного* хозяйства, в котором приспособление производства к потреблению создается путем спроса и предложения на рынке и конкуренции независимых собственников, а рабочая сила составляет товар; тенденция к нарождению системы—сознательно регулируемого производства, обращения и потребления». Н. Осинский. «Строительство социализма». Изд. Коммунист, М. 1918, стр. 12-13.

[2] Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», стр. 14– 15. Следует отметить, что характеристика отношений, создаваемых срастанием капиталистических трестов с буржуазным государством, в работе т. Бухарина «Империализм и мировое хозяйство» не отличается такой заостренной формулировкой, как в «Экономике переходного периода».

[3] Так, по мнению т. Осинского, «главные минусы государственного капитализма состоят в том, что: 1) он только увеличивает размах и обостренность бойни, затрудняя ее прекращение; 2) сохраняет *частную собственность на средства производства, перегородки собственности*, препятствуя вполне централизованному и вполне планомерному распоряжению средствами производства; 3) сохраняет классовое господство, *увеличивает* прибыли и привилегированное положение капиталистов и потому не может вести решительной борьбы с ни-

Конечно, частная собственность на средства производства препятствует полному и окончательному завершению перерождения меновых связей капиталистического общества в технические связи планово-организованного государственно-капиталистического треста. Тем не менее, приведенное выше понимание природы государственно-капиталистического треста исходит из того положения, что этот процесс перерождения типа хозяйственных отношений, анархической структуры капитализма в плановую, сознательно-организованную, в основном уже завершился, несмотря на сохранение частного присвоения и классовых противоречий. Остается лишь устранить это противоречие капитализма—классово-антагонистические отношения распределения, и задача социалистической реорганизации общества может быть завершена «на другой день» после социальной революции.

Схема эта, однако, страдает значительной переоценкой тенденций к преодолению анархии производства, действительно наметившихся в период государственно-монополистического капитализма. Обзор фактической истории одной из более законченных систем государственно-монополистического треста показал нам, что если внутри промышленного круга буржуазному государству удается достигнуть довольно высокой степени подчинения производства и распределения плановому регулированию, то за пределами этого круга, в области сельского хозяйства, государственное вмешательство и воздействие остается весьма ограниченным. Капиталистическое развитие создает и углубляет противоречие между монополизированной, высоко концентрированной промышленностью и сельским хозяйством, задерживая его переход к более рациональным укрупненным формам. Если в промышленности процесс обобществления производства доходит до столь высокого уровня планового регулирования, что превращается в «самоотрицание» капиталистических основ присвоения, то в сельском хозяйстве, благодаря господству этих капиталистических форм частного присвоения (в первую голову, благодаря частной собственности на землю), процесс обобществления труда, концентрации производства сильно отстает от промышленности. Сохранение раздробленного, полупарцелльного хозяйства в земледелии неизбежно требует сохранения рыночных отношений, меновой формы связей между городом и деревней. В военном хозяйстве Германии это противоречие находит яркое выражение в борьбе подпольного, нелегального рынка с организованными формами распределения, в том прорыве плановой системы снабжения и твердых цен, который был нами описан в основном в предыдущей статье. Капитализм в его государственно-монополистической стадии оказывается не в силах преодолеть это противоречие, по существу выходящее за рамки национального хозяйства. Задача радикального под'ема производительных сил сельского

щетой и голодом, обостряет их; 4) возникая на почве диктатуры, сильной и концентрированной власти (необходимой для борьбы с таким распадом), он связан с *империалистской* диктатурой, которая порабощает массы, сковывает их самодеятельность тяжким политическим гнетом». Цит. соч., стр. 16—16.

хозяйства на высшую ступень, обобществления сельскохозяйственного производства может быть разрешена только после пролетарской революции, устраняющей основную помеху на этом пути—частнособственнические основы капитализма. Путь к преодолению раздробленного, мелкотоварного характера сельского хозяйства проходит через кооперирование мелких производителей, а не через пожирание мелкого производителя монополистическими об'единениями, даже в наиболее законченной их форме государственно-капиталистических трестов.

Таким образом, государственно-монополистическая форма капитализма лишь *усиливает тенденцию* к преодолению товарно-анархического характера капиталистических отношений, а отнюдь *не превращает* иррациональную систему хозяйства в рациональную, как это вытекает из теории «единого государственно-капиталистического треста».

Государственно-монополистическая система хозяйства сложилась в войне, военные условия послужили главным толкачом в создании новых форм, сращивающих капиталистические предприятия с государством. Возникает вопрос о том, в какой мере законно рассматривать государственно-монополистическую форму хозяйства, как особую хозяйственную форму, как закономерный этап капиталистической эволюции. Ряд исследователей склонен к оценке ее, как некоторого отклонения от нормальных мирных условий, вызванного вмешательством forces majeures и отмирающего вместе с исчезновением ненормальной военной обстановки. Послевоенное развитие экономики важнейших капиталистических стран служит при этом аргументом в пользу приведенной оценки. «Всякий, кто штудировал европейскую экономическую прессу хотя бы в течение 1920 года, знает, что формы государственного капитализма, расцветшие во время войны, ныне почти полностью ликвидированы»,—говорит один из сторонников этой концепции [1]. «От всей системы регулирования хозяйства на Западе ныне остался только некоторый контроль за внешней торговлей, вызываемый необходимостью поддержания обесцененной валюты, все же остальное сведено почти полностью на-нет».

Этот распад созданных войной форм огосударствления капитализма цитированный автор считает не случайным фактом, а «непосредственно обусловленным... существом предвоенной концентрации частнохозяйственного капитализма. Из трех возможных форм этой концентрации—рыночной, социальной и производственной—две первые весьма значительно опередили третью. Но и они к началу войны далеко не были завершены. Основными заданиями капиталистических об'единений Европы являлись, с одной стороны, регулирование отношений меновых с целью максимального давления на потребителя,

---

[1] Научные Известия, сб. первый, Академ. Центр Наркомпроса, М., ГИЗ, 1922, статья С. А. Фалькнера: «Теоретическая экономика социальной революции», стр. 235, 236. Еще более резко эту точку зрения формулирует А. Богданов («Курс полит. экономии», т. II, вып. IV, изд. 2-е, 1924 г.), стр. 236—2752.

а, с другой стороны, регулирование отношений социальных—с целью максимального давления на пролетариат. Напротив, регулирование отношений производственных—самой техники и экономики производства—появлялось на сцену лишь в сравнительно редких случаях[1].

Как видим, вопрос сводится к различному пониманию сущности монополистического перерождения капитализма в последние десятилетия. С точки зрения марксистской теории монополий незаконным является уже самое противопоставление регулирования «отношений меновых и социальных» регулированию условий и характера производства. Наиболее характерной чертой монополистической экономики является как раз срастание, об'единение всех форм капитала—промышленного, торгового, банковского—в единую систему финансового капитала. Если *исторически* развитие монополий происходит от об'единения функций сбыта к об'единению и концентрации (по горизонтальной и вертикальной линии) процесса производства, то попытки строгой классификации различных типов об'единений в *логическом порядке* неизбежно пасуют перед сложными формами экономической действительности. Строгое отделение «сбытовых» об'единений от производственных невозможно уже хотя бы потому, что цели маскировки монополистической сущности того или иного об'единения зачастую заставляют капиталистов выбирать для внешнего обихода названия наиболее простых об'единений. Под видом договора в координации сбыта может происходить и самое действительное и эффективное регулирование, производства, прежде всего со стороны выпускаемого количества продукции. Достаточно известен пример российского об'единения металлургической промышленности, формально носившего название синдиката (Продамет), а фактически довольно жестко регулировавшего не только условия сбыта, но и количество производимой продукции по отдельным видам и т. п. выходящим за рамки сбыта моментам. Не менее характерен пример средне-европейского стального картеля, устав которого специально подчеркивает отсутствие стремления регулировать цены; однако весь смысл существования картеля заключается в строго разработанном регулировании количества и характера производства стран, входящих в об'единение. Отнести в целях стройности классификации столь сложную и своеобразную форму об'единения, как современный концерн, в рубрику «организации сбыта» можно лишь ценою отказа от понимания сущности монополистического об'единения ради внешних формальных признаков[2].

Точно так же, лишь с точки зрения формальной классификации, можно утверждать, что государственно-монополистическая стадия в развитии капитализма исчезла бесследно сразу же после войны.

Процесс сращивания государства с монополистическим капиталом имеет своей причиной не одни лишь военные условия. «Основная

---

[1] Цит. пр., стр. 236.

[2] Типичным образчиком подобного рода исследований являются работы Лифманна, где за нагромождением бесконечных видов и подвидов об'единений исчезает сущность монополистического перерождения хозяйства.

причина этого явления заключается в том, что фактически государственная власть становится во все более тесное отношение к руководящим кругам финансового капитала... Интересы государства и интересы финансового капитала все более совпадают. С другой стороны, громадная напряженность конкуренции на мировом рынке требует *максимальной централизации и максимальной силы государства.*

Этими двумя причинами, с одной стороны, фискальными соображениями, с другой, исчерпываются *основные* факторы огосударствления производства в капиталистических рамках» [1]. Война лишь ускорила этот процесс, наметившийся в развитии монополистического капитализма еще ранее.

Государственно-монополистической системе регулирования, действительно, оказалась не по плечу задача прямого преодоления иррациональной, товарно-анархической структуры капитализма, прямой замены рынка плановой организацией. Эти попытки сталкивались с противоречивой природой капитализма, с борьбой между различными отраслями монополизированной промышленности, с противоречиями между городом и деревней, с давлением мирохозяйственных товарных отношений. Поскольку задачи преодоления анархии производства были непосильны для гос.-монополистической системы военного времени, непосредственные формы регулирования хозяйства принимали характер «крайностей», против которых так ожесточенно боролись различные прослойки буржуазии. Именно эти «крайние» и противоречащие основам капиталистической анархии формы регулирования и должны были, естественно, отпасть вместе с переходом на мирное положение. Точно так же откровенная, обнаженная форма срастания государства с капиталистическими предприятиями должна была смениться более сложными и завуалированными отношениями. Отожествление сущности государственно-монополистического капитализма с такими явлениями, как пайковая и карточная система продовольствия, однако, весьма напоминает вульгарно-буржуазное изображение планового хозяйства как системы, регулирующей лишь поверхность отношений, лишь сферу потребления. Если рассматривать военную систему государственно-монополистического капитализма, как систему, в которой завершилось в основном отмирание анархической противоречивости, товарного характера капиталистического производства, то исчезновение явлений прямого государственного регулирования хозяйства после войны действительно становится необ'яснимым. С другой стороны, в порядке логического вывода из подобного об'яснения должна следовать теория государственного капитализма, как системы, вызванной исключительно вмешательством военных условий, т.-е. «случайной» в смысле закономерной эволюции капиталистических форм.

Если же признать, что сущность государственно-монополистической формы сводится не к одним лишь попыткам государственного планового регулирования хозяйства, а, в основном, к новым более высоким формам концентрации производства, то окажется, что военный

---

[1] Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», II, 1918 г., стр. 100.

опыт отнюдь не исчез бесследно в последующем этапе развития капиталистического хозяйства.

Кажущийся распад хозяйства воевавших стран на распыленные атомы после уничтожения военного регулирования на самом деле является лишь внешней реакцией против вызванного военными условиями обострения государственного вмешательства, «зажима», переходившего за рамки, приемлемые для частно-собственнической природы капитализма.

Процесс концентрации и монополистического срастания промышленных предприятий в сложную систему новых об'единений, все более и более сливающихся с государством, отнюдь не был оборван окончанием войны. Изменились лишь внешние формы этого процесса, причиной чему послужило, между прочим, и специфическое положение государственной власти в послевоенный период. Колоссальная задолженность всех европейских государств в результате войны значительно ослабила позиции государственного аппарата, как общеклассовой организации буржуазии, в пользу отдельных мощных групп капиталистов, главным образом, в пользу крупно-промышленного капитала, великолепно использовавшего инфляционную обстановку. В Германии, где все процессы военной деформации экономики проявлялись с особой яркостью, это ослабление мощи и влиятельности государства в период послевоенной инфляции должно было сыграть особо важную роль в смене внешних форм монополистической организации. Специфические условия военной обстановки подчеркивали общеклассовый характер буржуазного государства, усиливали его позицию по отношению к разноречивым прослойкам и подклассам буржуазии. Отсюда создавалась видимость приоритета государства. В инфляционный период быстрое вымывание средних и мелких слоев буржуазии, усиление крупного промышленного капитала изменило соотношения. Видимость государственного приоритета уступила место прямому подчинению государственного аппарата этим инфляционистским кругам буржуазии. Вместо видимости «огосударствления», обнажилась истинная сущность срастания государства с хозяйством, «капитализация государства» («Durchkapitalisierung des Staates») по удачному определению Эмиля Ледерера. Такое типичное инфляционное образование, как концерн Стиннеса, достаточно ярко иллюстрирует сущность происшедшего после войны изменения форм срастания буржуазного государства с хозяйством.

Немалое значение имеет также изменившееся в результате войны соотношение между банковским и промышленным капиталом. Мы уже видели в предыдущей статье, как под влиянием роста цен во время войны государство должно было вмешаться в отношения между банками и военно-промышленными об'единениями, гарантировать банковские кредиты промышленности, работавшей на оборону. В то же время колоссальные прибыли промышленности на военных заказах ослабляли господствующее положение банков. Инициатива в об'единительном процессе в промышленности отошла от банков под влиянием тех же военных условий. К концу войны к этим моментам—

усилению собственных накоплений промышленности и внутренней консолидации ее—присоединилось влияние инфляции. Вклады банков в промышленность должны были относительно сократиться благодаря обесценению марки.

При одновременном возрастании собственных средств промышленности это означало ослабление влияния банковского капитала в монополистической системе. Сращивание банков с монополистической промышленностью принимает новые формы в результате этих влияний. Исчезает внешняя форма командования банков над промышленностью; банки тесно вплетаются в систему новых монополистических об'единений универсального характера—в систему концернов, отличающуюся от довоенной синдикатской формы прежде всего универсальностью связей, колоссальным расширением сферы влияния через сложную сеть «общности интересов», обществ по скупке акций и т. д.

Концентрационный процесс в капиталистическом хозяйстве в настоящее время происходит, несомненно, на более высокой ступени, исходным пунктом которой послужили военные об'единения. На этой же основе создалось чрезвычайно любопытное об'единение, включающее для предприятий по добыче азота, алюминия и крупных электрических станций, так назыв. «Viag», промышленный концерн Германской республики. Это— новейший, чрезвычайно любопытный образчик концентрации крупной промышленности в форме государственно-монополистического об'единения [1]. Это об'единение, играющее весьма существенную роль в германской экономике, благодаря важности об'единяемых им отраслей производства, возникло, как показывает автор посвященной ему монографии, в военное время, когда государство вынуждено было спешно поставить новые в Германии отрасли производства для возмещения отрезанного притока заграничного сырья. Приспособленное по окончании войны к удовлетворению мирных нужд хозяйства, оно построено на принципе сочетания государственного владения с нормальной, частно-капиталистической организацией. Государство здесь выступает, как частный капиталист, снабжающий своими средствами «наемных предпринимателей», организаторов производства, в полном соответствии с принципами современной «обезличенной» акционерной формы предприятий. «Ясно, что здесь речь идет о чем-то *принципиально-отличном* от того, что принято называть в обыденном смысле «казенным предприятием»,—справедливо замечает автор. «Против смешанно-хозяйственного принципа допущения государства (или коммуны) к участию в доходах, путем *закрепления за собой паев предприятий частного капиталиста,* выдвинулся новый принцип—гарантирование *государству* (как акционеру) *всего дохода*, путем *привлечения на службу частных предпринимателей*». Органы непосредственного управления концерна составлены из директоров низовых предприятий, фабрикантов, директоров банков. Связь между концерном, как самостоятельным хозяйственным предприятием (состоящим, как

[1] См. интересную монографию Ф. Гугенгейма «Viag». Пути концентрации германской гос. промышленности», Гиз, 1927.

мы бы сказали, на хозрасчете), и министерством финансов осуществляется через представительство ведомств[1]. Монополистическая сущность этого государственного об'единения ясно видна из принципа его построения. Важнейшая часть концерна—комбинация азотного и алюминиевого производства с добыванием электрической энергии—построена на монопольном господстве этих отраслей на германском рынке. Характерно, что новая форма государственно-капиталистического предприятия зародилась не в традиционных отраслях казенных заводов, а в совершенно новых областях промышленности, с самого начала воспринявших наиболее высокие формы концентрации. Таким образом, государственно-монополистические формы, намеченные в военном хозяйстве Германии, приспособились к мирным условиям и, как справедливо замечает Гугенгейм, являются примером новой, «повидимому, *многообещающей организационной формы* государственно-капиталистического предприятия»...

Государственно-капиталистический опыт военного времени создал базу для новой фазы концентрации капитала в Германии не только в порядке усиленной централизации капитала, не только путем сосредоточения в руках нескольких мощных групп колоссальных масс средств за счет разорения мелких и средних предпринимателей. Военная система значительно расчистила путь и для концентрации в материально-техническом смысле. Задачи наиболее целесообразного и эффективного выполнения военных заказов требовали сосредоточения ограниченных запасов сырья на наиболее мощных и технически совершенных предприятиях. Во вторую половину военного периода государство приняло весьма активное и непосредственное участие в концентрации производства при проведении административным путем кампании «свертывания» мелких предприятий, на которой мы останавливались в предыдущей статье. То значительное усиление производственно-технического аппарата германской промышленности после войны, которое констатируется всеми исследователями последних лет хозяйственного развития, несомненно, является результатом гигантской концентрационной «чистки» промышленности, проделанной в военном хозяйстве Германии.

Дав мощный толчок концентрации, обобществлению производительных сил капиталистического хозяйства, государственно-монополистический этап обнаружил в невиданной ранее степени противоречия между коллективизацией производства и индивидуальными, капиталистическими формами присвоения. Опыт военного планирования в то же

---

[1] Для характеристики удельного веса и размеров этого государственно-капиталистического концерна сошлемся на цифры, приводимые автором. Правление Всеобщ. Электр. Комп. (A. E. G.) показывает число рабочих, занятых в концерне на 1923 г. около 57.000. Персонал же «Германских Заводов» составлял на 1 января 1923 г. 37.000. Акционерный капитал важнейших первичных предприятий гос. концерна составлял на 31 апреля 1924 г. свыше 200 милл. золотых марок. «Среди *возглавляемых единым центральным предприятием промышленных комплексов* Viag, несомненно, занимает *первое место*»,—резюмирует автор. Цит. соч., стр. 110—112.

время дал прямое доказательство полной достижимости обобществления и рациональной социалистической организации хозяйства на достигнутом техническом уровне[1]. Ибо необходимые предпосылки для этого, «новые средства контроля созданы капитализмом в военно-империалистической стадии», как указывал Ленин.

В этом смысле—в смысле доказательства возможности и необходимости плановой социалистической перестройки хозяйства—и следует понимать известное положение Ленина о том, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет». Когда Ленин указывал на то, что «империализм есть не что иное, как монополистический социализм», он настойчиво подчеркивал в то же время, что контроль и регулирование хозяйства буржуазным государством создает лишь *материальные* предпосылки, полную *материальную готовность* капитализма к социалистической, плановой перестройке, но что буржуазное государство в силу своей классовой природы отнюдь не в состоянии преодолеть товарно-капиталистические устои современного хозяйства. «Реакционное капиталистическое государство, которое *боится* подорвать устои капитализма, устои наемного рабства, устои экономического господства богатых, *боится* развить самодеятельность рабочих и вообще трудящихся, боится «разжечь» их требовательность; такому государству ничего не нужно, кроме хлебной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду *реакционной* цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его»...

Этот же реакционный, ограниченный буржуазно-классовыми рамками характер государственного регулирования бьет в лицо реформистским теориям «улучшения» капитализма, постепенного преодоления его противоречий без разрушения его частно-собственнических устоев, без замены буржуазного аппарата государственной власти новыми пролетарскими формами управления.

С точки зрения проблем нашего социалистического строительства опыт планового регулирования хозяйства, проделанный германским государством в мировую войну, интересен в следующем отношении.

---

[1] Это отмечает даже столь мало склонный к революционному оптимизму исследователь, как Густав Экштейн: «Сколько раз до войны мы слышали даже от социалистов, что наш экономический строй еще далеко не созрел для социализации, что капитализм еще не сыграл своей роли, еще далеко не выполнил своей исторической миссии, что технические и организационные предпосылки для будущего строя далеко еще не имеются налицо, и что господство пролетариата неизбежно привело бы лишь к краху. События последнего года показали обратное. Будь пролетарское правительство достаточно сильно, чтобы выступить так диктаторски, как ныне выступает военная власть, тогда материальные и организационные предпосылки были бы налицо для создания в кратчайший срок общественно-организованного хозяйства для удовлетворения потребностей в крупном масштабе». Цит. соч., стр. 9.

1. Несмотря на все различия обстановки, опыт военного государственно-монополистического планирования обнажает одну из важнейших узловых проблем нашей плановой работы—проблему хозяйственных взаимоотношений между городом и деревней. В высокоиндустриальной Германии распыленность и отсталость форм сельского хозяйства служила, на ряду с частной собственностью на средства производства, важнейшим препятствием для действительного преодоления анархии производства. Товарные, рыночные отношения пробивались сквозь строжайшую систему продовольственной разверстки, пайкового распределения, несмотря на всю относительную силу и гибкость государственного аппарата. Наиболее эффективными оказывались не меры прямого административного воздействия на сельское хозяйство, а такие меры, которые доходили до него через те же каналы рыночных отношений, например, комбинирование цен на различные с.-х. культуры. Однако общий недостаток продуктов в стране, истощенной военным потреблением, своеобразный «товарный голод» не давали возможности широко использовать эти методы планирования и регулирования через рынок, через аппарат цен. Этот опыт лишний раз подчеркивает, что если перестройка капиталистического общества по линии устранения основного противоречия—отделения средств производства от производителя—может быть разрешена сравнительно быстро после социального переворота, то переработка анархических, товарных форм связи между промышленностью и сельским хозяйством представляет собою несравненно более сложный и длительный процесс. Товарный характер хозяйства не только не изживается в рамках государственно-монополистического капитализма, но остается после социального переворота в течение всего «переходного от капитализма к социализму» периода. Преодоление этой товарной формы и составляет основное содержание переходного периода (в смысле абстрактно-теоретическом).

2. В то же время опыт планового регулирования эпохи войны подчеркивает с полной ясностью теоретическую и практическую невозможность *мирного* сожительства плановых начал в хозяйстве с основами товарно-капиталистического уклада. Более того, и в том случае, когда суб'екты планирования отнюдь не ставят перед собою задачи преодоления товарной формы хозяйства, как это имело место в военном регулировании Германии, самая логика развития плановых начал в экономике приводит к отрицанию и вытеснению рынка. Поскольку в военной системе хозяйства осталась незыблемой основа рыночных отношений — частно-собственнические формы присвоения, плановое начало в его прямой форме (даже при всей недостаточности и непоследовательности его, на чем мы останавливались выше) должно было уступить место в борьбе, присущей капитализму, анархии производства, конкуренции и противоречиям между различными монополистскими об'единениями. Для нас же важно отметить, что если плановое начало в нашем переходном хозяйстве выступает в настоящее время под внешней оболочкой рыночных отношений, то победа его над этой рыночной стихией возможна лишь на пути преодоления социального содержания товарной формы.

3. Пример военной экономики Германии уясняет значение мирохозяйственных связей для мощи и действительной экономической самостоятельности народного хозяйства. Автаркическое, изолированное существование германского хозяйства на протяжении 4 лет войны было возможно именно благодаря прежнему могуществу связей страны с мировым рынком. Это длительное использование выгод мирового разделения труда создало огромные потенциальные возможности в германском хозяйстве, позволившие ему справиться (с относительным успехом) с сложнейшими задачами приспособления технического и организационного аппарата хозяйства к требованиям изолированного, автаркического состояния. Достаточно показательна в этом отношении знаменитая история создания в Германии в течение первых двух лет войны совершенно новых отраслей промышленности, как искусственная добыча азота и производство алюминия для замещения отрезанного подвоза селитры и меди. Задачи обороноспособности страны требуют ослабления зависимости народного хозяйства от внешнего рынка. Однако подготовка мощной индустриальной базы в стране связана в значительной мере с ростом мирохозяйственных отношений и использованием опыта технически передовых стран.

Наконец, мировая война показала, какое значение в настоящее время приобретает плановое регулирование хозяйства в деле хозяйственной мобилизации страны. Война, порождаемая анархичностью и господством конкуренции в капитализме, становится в противоречие с этой иррациональной структурой капитализма. Воюющие государства вынуждены итти на борьбу с этой противоречивой природой капиталистической структуры вопреки своей классовой природе. Отсюда нерешительность, непоследовательность, *реакционно-бюрократический характер* государственного регулирования в капиталистических странах.

Внедрение планового начала в хозяйственную жизнь является важнейшей, центральной задачей экономической политики пролетариата. Борьба за план, за преодоление рыночной стихии составляет сущность переходного этапа в экономике. В этом смысле решение задачи подготовки и приспособления страны к хозяйственной обороне поставлено у нас в более благоприятные условия, нежели в капиталистических странах. Пролетарское государство, располагающее командными высотами в хозяйстве, являющееся активным, сознательным проводником рациональной, плановой организации хозяйства, располагает несравненно более благоприятными позициями, нежели любая капиталистическая страна, в отношении подготовки и мобилизации народного хозяйства для военных условий. Опыт мировой войны, вскрывающий силу и слабость капитализма в хозяйственной организации, представляет для нас с этой точки зрения особый и теоретический и сугубо-практический интерес.

Е. Хмельницкая.
